

Вячеслав ШАЛЕВИЧ: «Сегодня в кино не хватает доброты»

ПЕРСОНА

народным артистом России, художественным руководителем Театра имени Рубена Симонова Вячеславом Анатольевичем Шалевичем мы встретились на съёмочной площадке фильма «Клоуны», который в эти дни снимает ярославская кинокомпания «Ярсинема» (о начале съёмки «СК» рассказал в материале «Добрая история про обиженных киноунов» в номере за 11 июля 2008 г.).

Признаться, подобных интервью за всю мою журналистскую практику ещё не было. Дело в том, что времени на несуетную беседу, с обстоятельными экскурсами в прошлое и измышлениями о дне сегодняшнем, у Вячеслава Шалевича исторически не было (уже верю, сразу после завершения съёмки, артист должен был уезжать в Москву). Но и отказываться от разговора Вячеслав Анатольевич тоже не захотел, поэтому предложил компромисс: только образуется техническая пауза в съёмке, тут мы сразу вами вопрос-ответ, идёт? Конечно, я согласилась.

На практике это выглядело следующим образом. Как только к примеру, солнышко скрывается за тучами, а оператору нужен был непременно яркий свет, я давал отмашку «ждём солнышка», или гримёру требовалось пройтись кисточкой по лицам актёров (то есть опять образовывалась свободная «окошко» в минутку-другую), я стремглав неслась через всю съёмочную площадку к Вячеславу Шалевичу и давала ему заготовленный вопрос. Ответить за отпущенные минуты обстоятельств пару минут актёр успевал не всегда, и когда на площадке уже появлялась бабочка с хлопущими крыльями, ассистент режиссёра, казалось, вывихнет плечо из плечевых суставов, сигнализируя о том, что моё время вышло, актёр говорил «ну ладно, идите, после договорим...» И так на протяжении двух с лишним часов.

Моя беготня по площадке так заинтриговала исполнителя одной из главных ролей Владимира Гусева, что он предложил мне пристроиться в кильватер к Александру и «уже бегать в кадре». (Забавно, что снимался как раз тот эпизод, когда герои Вакмана и Гусева, два клоуна, бегают трусой по скверу «для поддержания физической формы», а герой Вячеслава Шалевича, бывший дрессировщик, соблазняет их партией в шахматы и «пужечкой пивка»). От заманчивого предложения сняться в кино, к сожалению, мне пришлось отказаться, а из близкого разговора с Вячеславом Анатольевичем вышло, что получилось.

— Как вы относитесь к цирку вообще, вне этой роли и не этого фильма?

— Хорошо отношусь, с симпатией. Одно время мне дове-

лось довольно часто жить в цирковых гостиницах вместе с этими ребятами и могу сказать, что мне знакома не только парадная сторона цирковой жизни.

— А если взять такой аспект профессии дрессировщика, роль которого вы играете, как взаимоотношения с животными?

— Вот чего нет, того нет. Не могу сказать, что я их не люблю вообще, нет... Скажем так, я к ним достаточно равнодушен.

— Ваше детство прошло на Арбате...

— Да, я родился и вырос на Арбате. Наш дом имел общий двор с Театром имени Вахтангова и располагался по соседству с Щукинским училищем. В нашей коммуналке жили двадцать семь человек: общая кухня — попробуй не вымыть кастрюлю, единственная раковина с холодной водой — постирай-ка пелёнки, и один на всех туалет — не дай Бог, забудешь выключить свет, скандал обеспечен. Но, с другой стороны, коммуналка — это замечательная школа человеческих взаимоотношений — там не было чужих детей, всё как у Аркадия Райкина: «Один стукнет, другой шлёпнет, третий нос подотрёт», там любая ссора становилась достоянием общественности и коллективно осуж-

далась. И мы, дети, подростки, хоть не всегда и понимали взрослые проблемы, но тонко чувствовали, какое слово или интонация может ободрить, а какое обидеть. Коммунальщина научила меня общаться с людьми.

— Во многих ваших интервью упоминается эпизод, когда Иосиф Виссарионович на вас пальцем указал...

— Это было на параде Победы. Проходя мимо мавзолея, я засмотрелся на Сталина и вышел из строя на пустую площадку, а он толкнул Рокоссовского и, смеясь, на меня рукой показал. Мама сгрела меня в охапку и утатила «от греха подальше». Второй раз Сталин на меня «перстом указал» у нас на Арбате. Во время войны театр Вахтангова разбомбили, и мы, ребята, бегали по руинам. Рядом проходила правительствен-

театром. И в этот момент практически встал вопрос о существовании коллектива. По просьбе артистов меня вызвали в правительство Москвы и предложили возглавить театр. Я, естественно, долго не мог отважиться, брал дни на раздумья, но тревога за то, что театр могут попросту закрыть, заставила меня насторожиться. Имя Рубена Николаевича Симонова — святое для каждого вахтанговца старшего поколения. Недаром истинный романтик и «сын кулис» Евгений Симонов назвал театр не собственным именем, как это ныне модно, а именем отца. И его надо сохранить на карте Москвы во что бы то ни стало.

Театром имени Рубена Симонова Вячеслав Шалевич руководит десять лет. Его вживание в новую роль — руководителя театра — оказалось столь же удачным, как и предыдущие ак-

— Но профессия актёра для вас всё-таки первична?

— Безусловно!

— Мне посчастливилось увидеть спектакль Владимира Мирзоева «Сирано де Бержерак» с вашим участием. Чем вас как актёра привлекла эта работа?

— Мне очень хотелось узнать почерк этого модного сейчас режиссёра, понять, что из себя представляет «режиссура Мирзоева». Но не могу сказать, что я остался доволен результатами этой работы. Хотя там очень любопытно работает в роли Сирано де Бержерака актёр Максим Суханов. Что касается дочерки Владимира Мирзоева, то это добротная, спокойная, размеренная, чётко выверенная режиссёрская техника.

— Будучи руководителем театра, вы можете использовать служебное положение в личных целях и предложить в репертуар театра спектакль для Шалевича-артиста...

— Могу, но не пользуюсь этим. Биография артистов такая короткая, и мне хочется, чтобы больше играли наши артисты — молодые, энергичные, талантливые люди. Труппа у нас хорошая, но мега-звёзд, как сейчас принято говорить, нет. Хотя я, конечно, играю и сам — в спектаклях по произведениям Марины Цветаевой и Михаила Зощенко.

— Если мне не изменяет память, то вы сами писали инсценировки, в частности, по произведениям Зощенко...

— Да, писать я начал под влиянием своих товарищей. С одной стороны, это продолжение профессии, с другой — увлечение, хобби. Не спичечные же коробики мне, в самом деле, собирать?

— То есть серьёзную литературную работу вы расцениваете как хобби?

— Да, сейчас, к сожалению, всё реже получается этим заниматься. Как руководителю театра мне приходится читать огромное количество современных пьес, и написание в своё время инсценировок, знаете ли, помогает мне разобраться в этом потоке.

— Что вы думаете о современном театре в целом, его новых направлениях?

— Когда-то, при советской власти, «эпатаж» было высокое слово. Потому что подтекстом можно было сказать многое, что не могли сказать напрямик. Это был риск, эпатаж. Сейчас же под словом «эпатаж» понимают совсем другое. Современный театр перешёл многие грани, ранее недопустимые: мат со сцены, обнажёнка. Разрешено всё. Но для меня всё-таки театр — это своеобразный алтарь. И я должен знать, во имя чего я что-то делаю, и главное — что я этим

остановился на дороге, однажды на дороге остановился кортеж, из машины вышел генсек, указал на руины и сказал: «Отстроить заново!» Так, фактически вместе с театром, я и рос, а потом бегал на все спектакли подряд — другого пути, кроме театрального училища, у меня и быть не могло. Да и большинство артистов Вахтанговского театра жили в нашем доме.

— Кроме театра имени Вахтангова, где вы служите почти полвека, вы являетесь и художественным руководителем театра имени Рубена Симонова...

— Я согласился принять театр во имя великого Рубена Николаевича. Так случилось, что по разным причинам Юрий Васильевич Яковлев вынужден был отказаться от руководства

театрские работы Вячеслава Анатольевича. За первые два года его руководства в Театре имени Рубена Симонова вышло 11 премьер, что само по себе парадоксально. В театре сложились определённые традиции, в которых чувствуется старая «вахтанговская школа» его руководителя: те, кто работают в нём, не позволяют себе новомодных веяний, плохо оформленных спектаклей, вульгарностей и влияния улицы — всего того, чем зачастую привлекают неискушённого зрителя. В сегодняшнем репертуаре театра — «Козлёнок в молоке» Ю. Полякова, «Три возраста Казановы» по М. Цветаевой, «Валентин и Валентина» М. Рошина, «Сказка о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина, «Брызги шампанского» по М. Зощенко.

хочу сказать. И ещё, к сожалению, исчезли актёрские индивидуальности такого масштаба, о которых можно было бы говорить: я иду на Астахова, я иду на Романова, я иду смотреть Мордвинова, Евстигнеева.

— Как вы относитесь к популярным ныне проектам «Звёзды в цирке», «Звёзды на коньках» и прочим освоениями драматическими артистами смежных творческих профессий?

— Нормально отношусь, иногда даже с интересом, потому как понимаю соответствие этих телепроектов духу сегодняшнего времени. Вот только когда актёры бьют друг друга, извините, морды на ринге — это несимпатично и неприятно.

— Но не расцениваете ли вы это как зарабатывание достаточно дешёвой популярности не профессиональными актёрскими качествами, а более доступным широкому населению способом?

— Я не люблю этих новомодных «птичьих» слов — кастинг, рейтинг... Повторюсь — эти придумки и фокусы вполне соответствуют времени, дешёвый, хоть и добротно выполненный трюк. Вот когда Николай Гриценко играет в «Семнадцати мгновениях весны» немецкого генерала, то демонстрирует такой высший пилотаж актёрского мастерства, что ни на каких роликах или коньках его просто и представить себе немислимо. И главное — не нужно.

— Однако случись подобным проектам существовать во времена вашей молодости, под каким бы из них вы подписались?

— Да мне в страшном сне ничего подобного не приснится!

— Вы сыграли более ста ролей в театре, за сотню перевалили ваши киноработы, среди которых — «Капитанская дочка», «Три тополя на Плющихе», «Вириния», «Семнадцать мгновений весны», «Мастер и Маргарита» и многие другие. Какую роль вам нужно сегодня предложить, чтобы вы на неё согласились? Чем вас можно заинтересовать?

— Моё актёрское счастье в том, что я до сих пор востребован и у меня достаточно много предложений, хотя в больших ролях в связи со своей занятостью в двух театрах я сниматься, наверно, больше не смогу. Если говорить о том, чем конкретно меня привлёк сценарий фильма «Клоуны», то он, в отличие от прочего жестокого, я бы даже сказал «жестокосердного» современного кинематографа, очень добрый. Этого сейчас как раз и не хватает — доброты.

Лариса ДРАЧ.